

Мацей Печиньский

ПОНЯТЬ «ИМПЕРИЮ ЗЛА»

Оригинал: Maciej Pieczyński. Understanding the “Evil Empire”

Источник: <https://counter-currents.com/2023/08/understanding-the-evil-empire/>

Перевод с английского, 2023 г. На русском языке публикуется впервые!

Данная статья была первоначально опубликована на польском языке в июле 2023 года в еженедельном журнале «Do Rzeczy». Этот перевод был опубликован на англоязычном польском консервативном сайте Sovereignty.pl.

В 2002 году Владимира Путина в одном интервью спросили, чем Россия, которой он управляет, отличается от Советского Союза сталинских времен. Наме- рение вопрошавшего, очевидно, состояло в том, чтобы показать, что времена кровавой диктатуры в России ушли в прошлое, а ее настоящее и будущее –

времена свободы и демократии. В беседе с тем же корреспондентом в 1991 году Путин с грустным лицом предупредил о возможном «возвращении к тоталитаризму». Спустя 11 лет, став президентом страны, он снова сделал грустное лицо, хотя и совсем по другой причине. Он отметил, что по сравнению со сталинской эпохой Россия «стала, к сожалению, гораздо меньше». Последняя книга польского профессора Анджея Новака «Возвращение «Империи зла»: идеологии современной России, их создатели и критики (1913–2023)» (*Powrót «Imperium Zła». Ideologie współczesnej Rosji, ich twórcy i krytycy (1913-2023)*) начинается с размышления над этими двумя разоблачающими замечаниями.

Путин как верный ученик Сталина

Не симпатия к коммунистической системе, а действительно сожаление о потерянных территориях России заставило Путина рассматривать распад СССР как величайшую геополитическую катастрофу двадцатого века. Вторжение в Украину – это попытка частично обратить вспять именно эту «катастрофу». Как отмечает Новак, хотя Россия – самая большая страна в мире, русские (и не только сам Путин) по-прежнему хотят все больше и больше земли – не столько земли для завоевания, сколько, согласно официальному нарративу, земли для «отвоевания» или «освобождения». Это традиционная российская риторика. Ведь не только кремлевские пропагандисты, но и вроде бы серьезные историки с родины Пушкина утверждают, что Россия никогда ни на кого не нападала. Она всегда только защищалась от внешней агрессии, в основном со стороны Запада. Со времен средневекового князя Александра Невского, сражавшегося с немецкими и шведскими рыцарями, через народное восстание против «польских захватчиков» в начале XVII века и две Отечественные войны (сначала против Наполеона, затем Гитлера), до столкновения с «коллективным Западом» (США, НАТО, Евросоюз) и его украинскими приспешниками, Россия якобы только и делала, что возвращала себе те территории, которые «справедливо» должны были принадлежать ей, «освобождая» проживающее там население. Эта позиция все еще сохраняется после 24 февраля 2022 года.

Анджей Новак вспоминает знаменитую статью Путина, опубликованную в июле 2021 года, в которой излагаются идеологические и историографические обоснования вторжения, которое в то время уже готовилось. «Русские и украинцы – одна нация, единое целое», – утверждал правитель Кремля. Это единое целое было освящено киевским князем Владимиром, когда он крестился в православную веру (в Крыму, согласно преданию). «К сожалению», в более поздние времена враждебные силы то и дело пытались разрушить это единство. Отдельная национальная идентичность украинцев – это искусственный продукт антироссийской пропаганды, распространяемой поляками и австрийцами. Более того, Украина как отдельное государство в границах 1991 года

возникла благодаря большевикам, которые первыми создали Украинскую советскую республику. Это же большевики после 17 сентября 1939 года присоединили к Украине земли, ранее принадлежавшие Польше (хотя и необоснованно, ведь это исконно русские земли). Поэтому российские танки вошли в Украину, чтобы напомнить ее гражданам, что они на самом деле русские, – пока что с катастрофическими результатами.

Анджей Новак говорит, что русский империализм в его современном варианте родился в 1913 году, когда некий «чудесный грузин», как Ленин называл Сталина, разработал основы большевистской политики в отношении национальностей. Эта политика предполагала создание государства, которое, чтя идеалы марксизма, было бы в то же время высокоцентрализованным русским государством, дающим покоренным народам максимум автономии. Таким образом, за четыре года до захвата власти уже было совершенно ясно, что большевики продолжат имперскую миссию царя, пусть и под другими лозунгами. Отсюда синкретический характер путинской идеологии. Историческая политика Кремля сегодня сочетает культ царей и православного «Третьего Рима» с культом победы СССР над фашизмом. Общий знаменатель – любовь к могуществу внутренне сильной и проводящей внешнюю экспансию сверхдержавы. Путин в этом отношении верный ученик Сталина, даже если он избегает прямых восхвалений «Красного царя».

В своей книге польский историк ищет ответ на вопрос: какова истинная природа российского империализма? По его мнению, у агрессивной России больше общего (или ей хотелось бы иметь больше общего) с миролюбивым, открытым и терпимым Западом, чем можно было бы подумать, особенно учитывая нынешнюю ситуацию на Украине. Ошибаются те, кто считает Москву исключительно мировой столицей консерватизма, оплотом христианства и патриотизма, силой против глобалистов. На самом деле Россия является непримиримым врагом самой идеи национального государства. Это отнюдь не результат идеологического отравления вирусом коммунизма. Хотя российская имперская идеология в том виде, в каком мы ее знаем сегодня, в значительной степени была написана Иосифом Сталиным, ее корни уходят далеко в прошлое. На самом деле они восходят к самым истокам Московского княжества, которое впоследствии превратилось в царство, а затем в империю, в том числе и по названию. Советский диктатор лишь наполнил вековую традицию новым содержанием.

Первоначально Москва собирала только русские земли, укрепляя при этом свой авторитет мирового центра православия. Однако в шестнадцатом веке она стала многонациональной державой в результате завоеваний на востоке. Затем, в XVII веке, возникла дилемма: быть ли России открытой миру (имеется в виду, завоевывать ли ей мир, прагматично перенимая некоторые его элементы) или же изолировать себя от этого «гнилого мира». Победил первый

вариант. Россия становилась многонациональной империей, но с сильным русским центром, не терпевшим конкуренции. Покоренные народы должны были признать превосходство России, смириться перед ее правителем и забыть о своих национально-освободительных амбициях. В лучшем случае они могли рассчитывать на статус, который Шотландия имеет в Соединенном Королевстве, то есть на политическую зависимость при сохранении некоторой региональной идентичности. По словам ведущего российского историка Алексея Ильича Миллера, Украина была такой «Шотландией» в России девятнадцатого века. И она могла бы остаться таковой и в конце XX века, в рамках концепции «триединой русской нации», объединяющей все три восточнославянские нации, имеющие корни в Древней Руси. Эта концепция, носящая имперский характер, отрицает существование украинцев и белорусов как отдельных народов. Однако украинцы не захотели идти по этому пути. Вдохновленные национально-освободительной борьбой поляков, они решили бороться за свою независимость.

После распада СССР у России появился шанс отказаться от своей идентичности имперской «тюрьмы народов» в пользу построения своего отдельного национального государства. Однако она не собиралась воспользоваться этой возможностью. Самым минималистичным вариантом переустройства империи было предложение «воссоединить» три восточнославянских народа. Отдельная Украина не укладывалась в сознании высших нравственных и интеллектуальных авторитетов России. Понятно, что власть Москвы над «триединой русской нацией» отстаивал Александр Солженицын, антикоммунист, идеализировавший царские времена. Однако даже Иосиф Бродский, поэт-диссидент и поборник индивидуальной свободы, писал украинцам по мере обретения ими независимости: «Пусть теперь в мазанке хором гансы с ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы».

Отношение российской интеллигенции к империи также является важной темой книги Анджея Новака. Не нужно думать, является ли Россия страной Пушкина или Путина, ибо и Пушкин поддерживал империализм, как это делала значительная часть великих художников и писателей России. Некоторые исследователи, кроме того, указывают на тот феномен, что российский империализм был враждебно направлен против самих русских. Элиты империи переняли западную культуру в восемнадцатом веке, увеличив пропасть между ними и народом. Это должно дать пищу для размышлений об идеологической близости между российской и западной элитами сегодня...

Последняя мода

Империализм и ненависть к идее нации у россиян почти в крови. К сожалению, в этом отношении у них много общего с интеллектуальной и политической элитой Запада. И для Польши это, пожалуй, самая тревожная мысль, которую

можно почерпнуть из последней книги Новака. Польский историк подробно исследует академическую дискуссию о России и СССР, имевшую место на протяжении многих лет в западных странах. Знаменитые слова Рональда Рейгана об «Империи зла» долгое время считались обидной, несправедливой оценкой. Когда видные историки, такие как Ричард Пайпс, писали об имперской природе Советского Союза, на них обрушивалась волна критики. Утверждалось, что намерения таких ученых были не научными, а политическими, что они на самом деле просто хотели, чтобы СССР распался по этническому (национальному) признаку, как и все другие империи. Только в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда красная сверхдержава действительно уже пошатнулась, «империология» стала, по выражению Анджея Новака, «последней модой». Наконец, имперский, агрессивный характер Советского Союза перестал быть запретной темой.

Российская имперская идеология веками была антизападной. Москва хочет быть либо «Третьим Римом», т. е. единственным истинным духовным (и политическим) центром мира, либо «Вторым Римом», т. е. одним из двух таких существующих центров. А если ни то, ни другое не удастся, то она выберет путь «плюрализма цивилизаций» – то есть «многополярного мира», в котором есть место многим региональным державам со своими сферами влияния. Так что в мышлении Кремля есть место для сосуществования с Западом. Однако это всегда будет сосуществование за счет «малых народов», расположенных между Россией и Германией. По выражению известного российского империалистического историка Натальи Нарочницкой, Берлин и Москва – единственные «организаторы Восточной Европы». Только они, как сильные державы, вправе решать судьбу лежащих между ними «мелких государств».

Анджей Новак отмечает, что коммунистическое наследие значительно разнообразило репертуар кремлевской имперской пропаганды. Параллельно размахивая своими лозунгами о защите православия и традиционных ценностей, Россия напялила на себя мантию истребительницы фашизма, национализма и антисемитизма. Это, в свою очередь, делает ее риторику привлекательной для западной аудитории с леволиберальными взглядами. В некотором смысле это продолжение старых имперских традиций. В конце концов, Екатерине Великой аплодировали в западноевропейских салонах за ее претензию на то, что она, мол, штыками и саблями внедряет «идеалы Просвещения» в Речи Посполитой, охваченной «мраком и нетерпимостью».

К сожалению, Запад до сих пор считает империализм меньшим злом, чем национализм. Таким образом, у Москвы в рукаве есть козырь прогрессивной антинацистской риторики, подкрепленный ее победой во Второй мировой войне. Следовательно, она может «успешно убедить миллионы зрителей за пределами России в том, что она, по сути, сейчас героически пытается освободить Украину из тисков империализма США, где она удалит раковую опухоль

неофашизма или антисемитизма (которая также присутствует и в других странах, ускользнувших от советской опеки, таких как страны Балтии и Польша)». Эти аргументы, как указывает автор книги, находят благодатную почву в основном в странах Глобального Юга. И они также могут убедить «прогрессивные» круги в Западной Европе, где Вашингтон часто рассматривается как более опасный соперник, чем Москва.

Война цивилизаций

Россия как третий и последний Рим христианства и убежище здравомыслия перед лицом нравственного и интеллектуального кризиса, затопляющего Запад. Россия как традиционный великий посредник, в гармонии с другими «традиционными» державами, особенно с Германией и Францией, гарантирующий справедливый мир и глобальный порядок во время бурь и беспорядков. ... Россия как последняя надежда для тех, кто во всем мире борется против американской гегемонии, и как препятствие на пути возвращения фашизма и расизма вокруг ее границ. ... Россия, защищающая цивилизационный плюрализм от одностороннего ... господства «англо-американцев».

Так пишет автор, перечисляя широкий спектр пропагандистских нарративов, которые Путин использует в своих публичных размышлениях об истории.

Чтение книги Анджея Новака может привести к выводу, который многих удивит. В Украине идет война цивилизаций. Однако, вопреки часто высказываемым заявлениям, это не столкновение между либеральным Западом и консервативным Востоком. Линия фронта проходит почти в обратном направлении. Это война между идеей национального государства, которому позволено выбирать собственный путь развития, и концепцией империи, претендующей на право навязывать другим свой образец прогресса, цинично используя лозунги о борьбе с «фашизмом». Россия стремится построить мир, в котором правят империи, а не нации.

Библиотека Велесова Слобода, 2023 г.